

УДК 159.9.01

Зачем психологии нужны правила игры в науку¹

В. М. Аллахвердов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
e-mail: vimiall@gmail.com

Аннотация. Методология науки фиксирует сложившиеся правила игры в науку. Есть общие правила для всех наук и частные для отдельных наук. Последние меняются с течением времени. Сами эти правила (принципы рациональности, идеализации, простоты, независимой проверяемости, преемственности и др.) можно трактовать как вывод из наблюдений над тем, как развивалась наука. Проверка на соответствие этим правилам позволяет построить демаркационную линию между наукой и не-наукой. Психологические концепции далеко не в полной мере соответствуют описанным методологическим принципам. Это приводит психологию к перманентному кризису.

Ключевые слова: наука, психология, методологические принципы, критерий демаркации, кризис психологии.

Далеко не все в нашей жизни является наукой. Сказанное никак не принижает достоинство любви, искусства, спорта, приготовления пищи и всего прочего, что наукой не является. Однако наука считается самым надежным источником знаний, и в связи с этим ее высоким статусом в современном обществе необходимо уметь различать научные утверждения от псевдонаучных и лженаучных высказываний, провести демаркационную линию между наукой и не-наукой. Беда в том, что если нет ясного критерия демаркации, то в оценку научных достижений могут вмешиваться религия и политика. Запрещали же церковные иерархи теорию Коперника как противоречащую Библии. Их самый сильный довод прямо опирался на библейский текст: мол, Иисус Навин, выполняя боговдохновенную задачу отмщения врагам израильтян, остановил солнце, а не землю. Да и второе начало термодинамики, и теория Дарвина им тоже долго не нравились. Не отставали и политики. В СССР они заставляли ученых объявлять антинаучными педологию и психотехнику, генетику, кибернетику² и т. д. Ми-

¹ Поддержано грантом РГНФ № 13–06–00535.

² Вот как известный психолог М. Г. Ярошевский писал в 1952 г. о кибернетике (стоит учесть, что до этого – во время учебы в ЛГУ – он сам был репрессирован): «В судорожных попытках реализовать свои агрессивные замыслы американский империализм бросает на карту все – бомбы, чумных блох и философствующих невежд. Усилиями последних и сфабрикована кибернетика – лжетеория, предельно враждебная народу и науке». Ярошевский М. Г. Кибернетика – наука мракобесов // Лит. газ. 1952. 5 апр.

нистр просвещения нацистской Германии Бернхард Руст так объяснял правомерность сходной позиции: «Национал-социализм не является врагом науки, он враг только теории».

Проведение демаркационной линии особенно важно потому, что существуют такие виды человеческой деятельности, которые выдаются за научные, хотя таковыми не являются. В энциклопедиях в качестве наиболее типичного образца лженауки чаще всего рассматривают астрологию (а еще гомеопатию, креационизм и т. п. – см. [19]). Выходят книги, в которых доказываются, что многие положения астрологии опровергнуты. Люди, разница в сроках рождения которых составляет менее пяти минут, не показывают даже намека на какое-либо большее сходство в сравнении с другими людьми, вопреки всем постулатам астрологов [20]. В 1975 г. 186 ведущих мировых учёных, включая 18 нобелевских лауреатов, выступили с «возражениями против астрологии», где протестовали против предоставления астрологам доступа к средствам массовой информации. Национальный научный фонд США относит веру в астрологию к одному из наиболее распространённых среди американцев псевдонаучных заблуждений. В России критикой астрологии как лженауки активно занималась комиссия по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований при Президиуме РАН.

Однако сами астрологи уверены, что их ремесло не только научно обосновано, но и «эффективно работает». Эту веру с ними разделяют миллионы людей. Мы даже представить не можем, сколько политических лидеров или спортивных тренеров принимают свои решения, исходя из положения звезд на небе, как бы потом комментаторы ни разъясняли нам мудрость этих решений. А самые образованные астрологи рассуждают так: астрология выполняет психотерапевтическую функцию, отвечая чаяниям людей знать свою судьбу, она помогает людям жить в трудных и непредсказуемых условиях. Если же астрология полезна, то почему ненаучна? Ведь если практическая технология приводит к желаемому результату, разве стоит отказываться от неё, пусть даже её теоретическое обоснование сомнительно? Польза, однако, не означает истинность. Экзорцизм (изгнание бесов) может быть эффективным психотерапевтическим приемом, но, как справедливо замечает А. Ш. Тхостов [16], из этого никак не следует, что бесы существуют. Эффективность не позволяет отличить научную психотерапию от ненаучной (судя по описаниям, вполне возможно, что основатель ненаучной физиогномики И. Лафатер был более эффективен в своих прогнозах, чем отец научного психоанализа З. Фрейд³).

Не удивительно, что «психологи обнаруживают повышенную озабоченность разграничением их науки и паранауки» [18, с. 283]. Ведь на ка-

³ О Лафатере рассказывают легенды. Однажды некая дама из Парижа привезла к нему дочь. Взглянув на девочку, Лафатер пришел в сильное волнение и отказался говорить. Дама умоляла. Тогда он написал что-то, вложил в конверт и взял с дамы клятву распечатать его не раньше чем через полгода. За это время девочка умерла. Мать вскрыла конверт. Там была записка: «Скорблю вместе с вами...»

кую бы абсурдную идею ни опирался психолог в своей практической деятельности, она может быть вполне эффективной, если клиент поверит в эту идею (об этом гласит принцип Мейхенбаума, теорема Томаса и т. д.). Люди ведут себя в соответствии со своими убеждениями. Если, например, они будут убеждены, что в засуху дождь не пойдет до тех пор, пока не будут произнесены определенные заклинания, то они будут ориентироваться на это убеждение как на неизбежный закон природы. И рано или поздно, но дождь пойдет!

Европейская психотерапевтическая ассоциация для признания метода научным требует, чтобы он опирался на стройную теорию человека и был оправдан ясными основаниями [3]. Точно так же поступают во всех практических науках. Так, долготлетие сложных строительных конструкций обязательно доказывается теоретическими расчетами. Поэтому будущих психотерапевтов надо обучать не тем технологиям, которые могут быть эффективны (ибо тогда их следует учить и астрологии, и процедурам изгнания бесов, и шаманству, и прочей подобной чепухе), а только таким, которые имеют теоретическое обоснование. Но как оценивать научные теории? По их истинности? Так обычно и предполагалось: научное знание почти тождественно истинному знанию. Но ведь нет абсолютно верных теорий – все теории рано или поздно изменяются! Моряки полторы тысячи лет плавали по звездным картам К. Птолемея, построившего научную астрономию с Землей в центре мироздания. Сегодня мы знаем, что Птолемей ошибался. Его теория была научной, хоть и ошибочной. Значит, по истинности нельзя оценивать? Но на что тогда опираться?

Особенно остро эта проблема стоит в психологии. Психоанализ – это научная теория или, как заявляют некоторые психологи, лишь мифология и набор метафор? Вот более болезненный пример для отечественной психологии: что делать с теориями, созданными советскими психологами (Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, С. Л. Рубинштейном и др.) на базе, как тогда говорилось, «единственно верного учения» – марксизма? Если верить К. Попперу, то марксизм столь же ненаучен, как астрология и психоанализ. Научны ли основанные на нем психологические теории? А бихевиоризм – это научная теория или вовсе не теория, как заявляют борцы с эмпиризмом? Да и когнитивная наука, с точки зрения неонкогнитивистов, на хорошую науку не тянет. Ясное осознание возникающих проблем привело многих ученых к доведенной до абсурда скептической позиции.

Постмодернистский, пострационалистский взгляд на мир отмечен убеждением, что любая попытка сконструировать модель мира, претендующую на истинность, бессмысленна. В последнее время психологи и близкие к ним представители смежных наук начинают вообще отрицать правомерность поиска истины (см. обсуждение в [21]). Вот как пишет, например, замечательный психиатр С. Э. Давтян [5, с. 16]: «Современная теория не претендует на истинность... Вопрос о правильной и неправильной теории снят с повестки дня. Как и вопрос: «А как на самом деле?». Последний вопрос вообще считается бессмысленным и задавать его скоро

будет неприличным». Ну, прямо, как в «Котловане» А. Платонова: «Всё равно истины нет на свете или, быть может, она и была в каком-нибудь растении или в героической твари, но шёл дорожный нищий и съел то растение или растоптал гнетущуюся низом тварь, а сам умер затем в осеннем овраге, и тело его выдул ветер в ничто». И все же в художественном тексте всегда содержится двойной посыл, у Платонова печаль от отсутствия истины все-таки сопрягается, как кажется, с надеждой на ее существование. Более того, в реальной практической работе умение психолога и психиатра (и это точно так в случае Давтяна) строить вместе с клиентом разные картины мира может способствовать эффективной психологической помощи. Но поверим все-таки А. Эйнштейну: наука может быть создана только теми, кто насквозь пропитан стремлением к истине и пониманию, и тогда поиск истины намного важнее, чем обладание ею.

А. В. Юревич [18, с. 286] полагает, что провести четкую демаркационную линию «в когнитивном поле», т. е. исходя из рациональных соображений, невозможно, поскольку критерии меняются и то, что раньше считалось ненаучным, может вдруг получить статус науки, и наоборот. И предлагает решать этот вопрос в социальной плоскости. Науку имеют право делать только ученые, а «ученый – это субъект, принадлежащий к научному сообществу, т. е. в условиях современной, институционализированной науки получивший соответствующее образование, работающий в одном из научно-исследовательских или образовательных учреждений, имеющий публикации в научных журналах и т. п. ». К сожалению, такой подход вряд ли можно считать убедительным. Во-первых, он слишком бюрократичен. Многие великие психологи не имели специального образования: Г. Фехнер по образованию физик, В. Вундт – физиолог, У. Джеймс и З. Фрейд – медики, П. Жане и П. Фресс – философы, Л. С. Выготский – юрист и филолог, Р. Кеттелл – химик, Ж. Пиаже – биолог, Дж. Келли – математик и социолог, Э. Боринг и Д. Бродбент – инженеры, и т. д. Неужели их работы нельзя считать научными? И как быть с открытиями молодых ученых (типа работника патентного бюро А. Эйнштейна), еще не имеющих ни публикаций, ни званий? Не принимать их всерьез? А работы самоучек, таких как М. Фарадей, О. Хевисайд, Т. Эдисон, тоже нельзя считать научными? Но зато творчество политиков и бизнесменов, услужливо награжденных званием докторов наук, можно всерьез признать научным? Во-вторых, этот критерий трудно однозначно применить. Какие организации и журналы можно считать научными? Ведь, скажем, астрологических «научных» институтов и образовательных утверждений сколько угодно⁴. А перечислить все астрологические журналы, наверное, вообще вряд ли возможно.

⁴ В Санкт-Петербурге, например, есть Санкт-Петербургская астрологическая академия, о которой в интернете написано: «школа астрологии с мировой известностью. Имеет аккредитацию при International University of Fundamental Studies, входящем в Oxford Educational Network, а также при American Federation of Astrologies (USA), старейшей федерацией астрологов США, и International Astrological Society (Canada)».

И все же мне кажется, что существует критерий, с помощью которого можно провести демаркационную линию. Логический и эмпирический анализ истории науки позволяет определить контуры самых общих «правил игры», по которым ученые строят и обосновывают свои утверждения. Сами ученые и историки науки выявляют эти правила как набор требований, которым должны удовлетворять научные исследования, а методологи науки их окончательно оформляют, называя методологическими принципами или регулятивами. Любая наука (в том числе, и психология, поскольку она наука) должна удовлетворять этим требованиям. Если такие правила существуют, то научной будет такая деятельность, которая построена в соответствии с этими методологическими правилами.

Существуют самые общие требования, справедливые для всех наук и для всех эпох. Начнем с банальностей. Любой ученый, чем бы он ни занимался, должен знакомить со своими результатами научную общественность (в противном случае о них просто не будет известно⁵). Во всех науках ученый обязан обосновывать свои утверждения. Однако и религиозные деятели, и художники, и кулинары тоже обосновывают свои деяния. Потому научное сообщество формулирует требования к тому, как обоснования должны быть сделаны. А вот сами требования к обоснованиям уже могут меняться со временем и различаться в разных науках. Показательный пример: в 1630 г. Рэй описал эксперименты, приведшие его к закону сохранения материи, однако химики не приняли его выводы. Дело в том, что Рэй нарушил требования к обоснованию, принятые в химии того времени. Он использовал весы, что тогда считалось для химика совершенно недопустимым. Когда же канон обоснования изменился, честь открытия этого закона была отдана Лавуазье [см. 6, с. 97–98]. В психологии тоже меняются требования к обоснованию. Бихевиористы, например, ввели требования к статистической обработке эмпирических данных и к описанию процедуры и результатов исследований, которые до них не считались необходимыми. Большинство этих требований разумны, некоторые, на наш взгляд, избыточны, но их соблюдение имеет профессиональное значение – иначе не опубликоваться в престижном западном журнале.

Однако если требования меняются, то как провести демаркационную линию? Дополним когнитивный критерий социальным. Научной признается такая деятельность, которая построена в соответствии с методологическими правилами, принятыми на данный момент научным сообществом. Трудность, однако, в том, что научная деятельность – это творческая деятельность. Она не может быть регламентирована жесткими алгоритмами (как бы ни пытались позитивисты и их последователи формализовать этот процесс). Поэтому многие правила надо воспринимать скорее как плодо-

⁵ Г. Кавендишу, не публиковавшему результаты многих своих исследований, все-таки повезло. За него это через сто лет сделал Дж. Максвелл. Тогда и выяснилось, например, что Кавендиш открыл закон взаимодействия электрических зарядов на 11 лет раньше Ш. Кулона. Но он не ввел его в научный оборот, а потому закон справедливо носит имя Кулона, а не Кавендиша.

творные эвристики, а не как строгие предписания деятельности ученого. Но, все же эти правила чрезвычайно важны, ибо, не прислушиваясь к ним, трудно надеяться на успешную научную деятельность. Но можно ли их использовать для построения демаркационной линии между наукой и ненаукой? Разумеется, абсолютно строгого различения не провести, тем не менее научное высказывание удастся отличить от ненаучного с очень высоким уровнем достоверности.

Однако не так уж много найдется методологов, признающих одни и те же методологические принципы и одинаково их трактующих. Более того, многим вообще кажется спорным, что нормативы научного познания одинаковы в разных науках. Еще Гомер полагал, что небесный, морской и наземный миры живут по своим принципиально разным законам, независимо устанавливаемыми Зевсом, Посейдоном и Аидом. Схоласты вслед за Аристотелем думали, что небесные и земные тела подчиняются разным законам. Виталисты полагали, что поведение живой материи подчиняется законам, отличающимся от законов, управляющих мертвой материей. Сейчас более популярно другое деление. Обычно говорят, что законы и правила игры в науку были сформулированы в лоне естественных наук, первыми достигших впечатляющих успехов. Но они неприменимы для наук гуманитарных, изучающих человека в сфере его духовной, умственной, нравственной, культурной и общественной деятельности. Прислушаемся к мудрому Ф. А. Хайеку [17]: «Успехи физических и биологических дисциплин были таковы, что вскоре их исключительное обаяние подействовало на тех, кто, работая в других областях, начали быстро перенимать их доктрины и терминологию. Тогда-то и началась тирания научных, в узком смысле слова, методов и приемов над прочими дисциплинами... Нельзя сказать, что оно сколько-нибудь помогло нам разобраться в общественных явлениях, наоборот, оно до сих пор способствует путанице и дискредитации работ по изучению общества».

И все же можно надеяться выделить такие методологические регулятивы, которые и логически, и исторически присущи всем наукам. Дело в том, что методологические утверждения имеют для психологии двойное значение: с одной стороны, они выступают как правила, обеспечивающие научную деятельность психологов, полезные для развития психологии в целом, но с другой – как вполне конкретные, хотя, может, не всегда удачно сформулированные, эмпирические феномены психологии познания. В конце концов, методологические принципы не падают с неба, а являются неизбежным следствием работы сознания и других имеющихся у человека познавательных механизмов. Просто процессы научного познания можно рассматривать как наиболее эффективные процессы познания. Тогда те утверждения, которые обязательны для любого познания вообще, должны быть обязательны для любого научного познания. И наоборот, приобретение научного знания в процессе научного поиска может служить образцом для описания любого когнитивного акта и его результата.

Правда, в этом есть некая парадоксальность. Общие принципы научной деятельности в целом могут интерпретироваться как частный результат отдельной науки. Однако такая парадоксальность возникает достаточно часто. Лингвист Д. Бикертон [1, с. 2] уверяет, что вопрос о том, как у людей появился язык, «логически предшествует всем другим научным вопросам, потому что без языка не было бы вообще никаких научных вопросов». Это так, без языка мы не сможем ни задать, ни ответить ни на один вопрос, поскольку у нас нет средств для их выражения. Но для того, чтобы что-нибудь знать о языке, мы уже должны уметь им пользоваться. Более того, мы должны уметь хоть как-то им пользоваться еще до того, как язык появился, иначе бы он был бесполезен и появиться не мог. Точно так же и логика как наука появляется после того, как мы уже научились хотя бы отчасти ей пользоваться. Логика предупреждает: «Необходимо все время помнить о различии между изучаемой логикой и логикой как средством такого изучения (т. е. логикой исследования). Тому, кто не готов к этому, стоит сразу же закрыть книгу и подыскать себе другое занятие по вкусу (скажем, составление шарад или пчеловодство)» [8, с. 12].

Аналогично: человек не осознает, как происходит процесс осознания, но он осознает, что способен осознавать, не зная, как он это умеет делать. И для того, чтобы хоть что-нибудь знать, человек должен вначале уметь получать знания. Способы познания предшествуют самому познанию. Можно надеяться, что некоторые методологические регулятивы как раз и отражают эти необходимо присущие человеку как познающему существу способы. Рассмотрим под этим углом зрения некоторые методологические принципы⁶.

Принцип рациональности – *ученый должен стремиться к непротиворечивому описанию изучаемых явлений*. Этот принцип принимается потому, что из противоречия вытекает все, что угодно. Отказ от этого принципа равносителен отказу от логики. Сознание, как отмечают многие исследователи, также старается избавиться от противоречия. У человека, говорят они, есть «потребность жить в рациональном мире» [22, р. 409]. Из того, что человек не всегда осознает причину своего поведения или природу своих переживаний, не следует, что его поведение и переживания не могут быть рационально описаны. Когда иррациональность объявляется как нечто в человеке, принципиально не сводимое к непротиворечивому описанию, то *такую иррациональность наука не признает*, ибо принятие такой позиции ведет к отказу от построения науки психологии. Правда, ученые

⁶ Более подробно и с разными акцентами эти и некоторые другие методологические принципы изложены в моих монографиях: Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., 1993; Сознание как парадокс. СПб., 2000; Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003. А также в статьях, написанных совместно с философами А. С. Карминым и Ю. М. Шилковым и опубликованных в журнале «Методология и история психологии» (2007, вып. 1, с. 230–246; вып. 2, с. 147–162; вып. 3, с. 152–163; 2008, вып. 1, с. 195–209; вып. 2, с. 174–184; вып. 3, с. 187–201; вып. 4, с. 180–189).

(как и сознание), даже столкнувшись с противоречием, не торопятся отбрасывать наличное знание до тех пор, пока ему нет ясной альтернативы, а стараются скорректировать это знание таким образом, чтобы устранить найденные противоречия. (Поэтому же, кстати, наука не признает чудес: чудо должно быть объяснено, а тогда оно перестает быть чудом.)

Деятельность является научной не потому, что ее результаты не содержат противоречий, а потому, что в случае обнаружения противоречий эта деятельность направлена на их устранение. Проверка непротиворечивости теории значительно затрудняется, когда содержание ее терминов и утверждений определяется недостаточно строго. Опираясь расплывчатыми и многозначными понятиями, можно с легкостью непротиворечиво объяснить все, что угодно. Отсюда вытекает требование стремиться в научном описании к строгой и однозначной терминологии.

Принцип идеализации. Научное исследование имеет своим предметом не явления, а их модели, которые выражают схематически, в не замутненном случайном обстоятельствами «чистом виде» их наиболее общие и существенные черты. *При идеализации модель изучаемого объекта освобождается от свойств, которые в реальности, тем не менее, необходимо присущи этому объекту.* (Примеры: в физике – материальная точка, не имеющая ни длины, ни ширины; в астрономии – абсолютно черное тело, в социологии – идеальные типы М. Вебера; в экономике – взгляд на человека как на рационального максимизатора полезности и т. д.) Отбрасывание реальных свойств как несуществующих (этим идеализация отличается от абстракции, последняя признает наличие этих свойств, но считает, что на них в теории можно не обращать внимания) одновременно означает также появление у идеализированного объекта особых воображаемых свойств, которых не имеет и не может иметь никакой реальный объект. Но ведь и сознание оперирует исключительно идеальными объектами. Так, в частности, осознание одного из значений многозначного текста ведет к отвержению (вытеснению из сознания) других возможных значений этого текста.

Без идеализации в принципе не бывает теорий, теории всегда пишутся не для реальных, а для идеализированных объектов. Только в этом случае ученый может делать логически строгие выводы из своих построений. (Поэтому, кстати, многие ученые любят применять математику, ведь все математические конструкции – операции, множества, функции и т. д. – являются идеализированными объектами, поскольку они заведомо лишены любых материальных свойств.) Теория как бы шаржирует реальность, а не реалистически ее изображает. Ученый, строя идеализированные объекты, всегда идет на риск, потому что, устраняя необходимо присущие наблюдаемым объектам свойства, он мог с водой выплеснуть ребенка и утратить настолько существенные свойства изучаемого объекта, что его теории потеряют смысл. Но зато удачный выбор идеализированного объекта позволяет построить удачную теорию.

Принцип простоты. Начну с афоризма грузинского философа Н. Чавчавадзе: «Мир не так прост, как кажется. Он гораздо проще». А вот

классическая формулировка И. Ньютона [10, с. 502]: «Природа проста и не роскошествует излишними причинами явлений. Поэтому, поскольку возможно, должно приписывать те же причины того же рода проявлениям природы». Ньютон поясняет: мы должны свет от Солнца и свет от кухонного очага считать одним и тем же светом до тех пор, пока не доказано обратное. И, опираясь на эту предпосылку, создает теорию света (оптику). В общем виде принцип простоты обычно формулируют так: из нескольких теорий, обладающих примерно равной объяснительной силой, предпочтительнее та, которая проще (использует меньше допущений). По сути, этот же принцип используется в гуманитарных науках, где объявляется, что из нескольких интерпретаций текста предпочтительнее та, которая *единообразно* объясняет больше элементов текста (ибо единообразие всегда проще). Человек тоже стремится воспринимать мир, сводя все к простому и знакомому. Законы гештальта, в частности, свидетельствуют о стремлении восприятия к достижению наиболее простой конфигурации (к «хорошей форме»). Как справедливо говорят психологи, мы воспринимаем только то, что понимаем, а окружающий нас мир искажаем до узнаваемости.

Принцип простоты предполагает, что «тонкость природы во много раз тоньше наших рассуждений о ней». Так говорил еще Ф. Бэкон [2, с. 16], которого зачастую объявляют создателем научного метода. Это значит: как бы ни были блестящи наши умозрительные построения, они не могут соревноваться с соразмерностью и логической стройностью, присущей природе. А потому, например, принцип простоты запрещает в качестве дополнительных допущений конструировать монстров – гипотез о ненаблюдаемых сущностях, якобы созданных природой исключительно для возникновения помехи и не имеющих иного обоснования. Однако таковы, например, в психологии гипотезы о разрушении следа как о причине забывания, о шуме в сенсорной системе, об ограниченности ресурсов при переработке информации и т. д.

Принцип **независимой проверяемости**. Результат познания зависит не только от самого объекта познания, но и от способов познания этого объекта. Как освободиться или хотя бы уменьшить влияние способа познания на результат? Основная идея решения: использовать принципиально разные способы познания. Если результаты, полученные разными способами, согласуются друг с другом, то есть высокая вероятность, что они определены самим объектом познания. Отсюда и появляется требование: *научные утверждения должны проверяться иным способом, отличным от того, каким он был получен*. Это высказывание справедливо для всех наук. Этот принцип используется и в процессе познания человеком. Рассмотрим способы независимой проверки теорий (в порядке от слабых к сильным процедурам проверки): 1) применения теории к *уже известным*, но не относящимся к ее первоначальному базису эмпирическим фактам; 2) объяснения *новых* фактов, которые станут известными уже после ее создания; 3) предсказания новых фактов, кажущихся маловероятными, которые, тем не менее, должны иметь место в действительности, и подтверждения этих

предсказаний; 4) предсказания того, какие явления, кажущиеся вполне вероятными, на самом деле не могут существовать. Стоит также отметить, что полученные в эмпирическом исследовании «статистически достоверные» результаты дают лишь основание сформулировать гипотезу (о связи, тождестве или различии). Но этого всегда недостаточно: требуется еще дополнительное исследование для проверки этой гипотезы.

Принцип преемственности позволяет понять, как старые теории вписываются в новые системы знаний. Новая теория должна давать объяснение эффективности старой и сделать это так, чтобы факты, на которые опиралась старая теория, в новой теории не игнорировались, а соответствующим образом интерпретировались, да к тому же еще предсказывались бы неизвестные факты. Например, теория относительности опровергает теорию Ньютона, но последняя при этом не отбрасывается, а трактуется как частный случай теории относительности (т. е. как верная для скоростей, существенно меньших скорости света). Историки науки уверяют: однажды установленный закон, если он проверялся и не был опровергнут в течение 50 лет, как правило, остается в науке навсегда, хотя и его формулировка, и понимание его природы позднее могут существенно измениться. Принцип преемственности выявляет ценность знания, ранее добытого наукой: на каждом этапе своего развития наука не только ищет истину, но и находит ее, правда, зачастую в замаскированном виде. Последующее развитие науки не превращает эту истину в ложь, а только снимает с нее маску и устанавливает ее ограниченность.

Гуманитарные науки занимаются в основном истолкованием текстов. А любой текст можно истолковать по-разному, и доказать правильность того или иного истолкования необычайно сложно. Предлагая новую интерпретацию текста, приходится обосновывать ее путем показа ее преимуществ перед другими его интерпретациями. Поэтому в гуманитарных науках придерживаются правила: новую интерпретацию текста можно предлагать только на основе анализа и учета предшествующих его интерпретаций. Таким требованием гуманитарное научное сообщество заодно защищает от дилетантов, которые слишком часто норовят все интерпретировать по-своему, не зная и не понимая многих нюансов, обсуждавшихся предшественниками. В. Ф. Петренко [13, с. 120] прямо выдвигает это условие для психологии: новый научный текст должен быть вписан в корпус психологической науки, а система цитирования, неявных ссылок и перекрестных ассоциаций должна обеспечивать «жизнь текста» в ранее существовавшем тексте.

Попробуем теперь оценить, насколько психологические концепции соответствуют описанным правилам.

Разумеется, никто из психологов прямо не призывал строить противоречивые высказывания, хотя, конечно, отдельные психологи и позволяли себе высказывать мысли, противоречащие друг другу (что, тем не менее, не следует ставить им в вину, ведь они искали истину, а не утверждали, что ее знают). Другое дело, когда разные исследователи создавали принципиаль-

но разные и противоречащие теории (будь то теории внимания, эмоций, личности и т. п.). Для примера: забывание трактуется З. Фрейдом как вытеснение из сознания при сохранении следа; бихевиористами – как следствие разрушения следа; А. Н. Леонтьевым – как разрушение пути к следу (хотя сам след сохраняется навсегда); многими когнитивистами – как результат наложения следов друг на друга. Разве это можно непротиворечиво совместить вместе? Казалось бы, надо было бы выбрать какой-то один подход, а от остальных отказаться. Но нет. И монографии по любой теме, и учебники психологии одновременно заполнены всеми теориями сразу. Подразумевается, по-видимому, что все эти концепции описывают разные реально существующие типы забывания (методологический либерализм), хотя такой подход и не соответствует принципу простоты. Да и трудно объяснить, почему в одних ситуациях след разрушается, в других – сохраняется, а в третьих ситуациях – накладывается друг на друга. Но можно сказать иначе: все теории неверны, поскольку истина неустановима, а следовательно, любые теории имеют равное право на существование. Этот модный сегодня в психологии призыв к плюрализму теорий позволяет без внутреннего сопротивления описывать в учебниках противоречащие друг другу взгляды, однако он принципиально противостоит принципу рациональности.

Разумеется, идеализации в психологии встречаются часто, но они, как правило, не доводятся до построения общей психологической теории. Г. Т. Фехнер положил в основание психофизики постулат о субъективном равенстве едва заметных различий – и тем самым отбросил все потенциально возможное разнообразие в переживании едва заметных различий как несуществующее, хотя реально, как показано в наших исследованиях, это не так. Тем не менее данная идеализация вполне корректна, а потому она помогла Фехнеру сформулировать теоретический закон. Позднее С. Стивенс ввел другую идеализацию и получил иной закон. Затем в психофизике появилась трактовка сенсорного порога как выделения сигнала из шума. Это привело к другой идеализации – к представлению о человеке как об идеальном наблюдателе. Смена идеализаций – нормальный процесс в науке. В итоге психофизика часто и справедливо рассматривается как одна из наиболее строгих областей научной психологии. Однако, что печальнее, в ней происходит не смена, а наложение идеализаций друг на друга. В учебнике по психофизике будет рассказан и закон Фехнера, и закон Стивенса, и описан процесс появления ложных тревог при выделении сигнала из шума.

В концепции З. Фрейда также используются идеализированные допущения. Например, утверждается, что ничего из сознания не исчезает бесследно. Однако беда этой концепции в том, что с рассмотрением новых опытных данных в нее последовательно вносятся все новые и новые допущения, что уже противоречит принципу простоты. Разные авторы строят математические описания каких-либо процессов, что сразу же вводит идеализацию. Когда, например, К. Левин описывает психологическое поле в дифференциальной форме, он тем самым автоматически вводит допуще-

ние о непрерывности и дифференцируемости этого поля, т. е. об отсутствии в этом поле скачков. Однако при этом ничтоже сумняшеся описывает скачкообразный процесс переструктурирования этого поля. Советская психология была вынуждена вслед за марксизмом рассматривать личность исключительно как совокупность общественных отношений (идеализация), хотя в реальных исследованиях рассматривала и другие аспекты личности. В общем с идеализациями в психологии есть явные проблемы.

Большинство психологических концепций выводят разнообразные психические явления из небольшой группы причин. В школе В. Вундта пытались выделить единицы сознания в надежде, что потом удастся найти какие-нибудь законы, связывающие эти единицы воедино. Из разных, но все-таки более-менее простых кирпичиков строили содержание психики З. Фрейд, Д. Н. Узнадзе, Л. С. Выготский и др. Гештальтисты не только показывали, что наше сознание все связывает в единое целое, но и свои теории строили таким же образом. Однако создать всеобъемлющие теории не удавалось. Тот же Вундт был уверен, что в полной мере единую теорию не создать, и потому строил сразу две разные психологии: физиологическую (т. е. экспериментальную) и психологию народов. Фехнер полагал, что его психофизические идеи не распространяются на высшие психические функции. Джеймс призывал идти путем экспериментальной психологии, но добавлял, что так, тем не менее, науку психологию построить не удастся. Все чаще стали раздаваться призывы, что психика сложна, и без рассмотрения ее сразу со всех сторон во всем многообразии психологию как науку не построить (яркий пример – Б. Ф. Ломов).

Еще более явным нарушением принципа простоты стали всевозможные, толком не обоснованные классификации. Расчленение целостной психики на якобы разные психические процессы (ощущение, восприятие, мышление, память, речь и т. д.) многими психологами признается бессмысленным, тем не менее оно повторяется из учебника в учебник. Принятая классификация психических процессов (впрочем, как многие классификации в психологии) противоречит принципу простоты, а ее эвристический потенциал весьма сомнителен. Потому что как только психологи на самом деле выделяют какое-либо особое психическое явление, опираясь не на привычные, заимствованные из житейской практики представления, а на теоретическое осмысление эмпирических данных – будь то вытеснение по Фрейду, дифференциация фигуры и фона у гештальтистов, установка, конформизм, когнитивный диссонанс, так сразу выясняется: любое из этих явлений находит выражение во всем диапазоне психического.

С независимой проверкой в психологии тоже огромные проблемы. Бихевиоризм, например, постулирует выработку связи между стимулом и реакцией путем подкрепления. Но выделение каких-то сигналов в качестве стимулов при игнорировании воздействия других сигналов (равно как и вычленение каких-то конкретных компонентов движения в качестве реакции) уже тоже есть идеализация. Только это идеализация особого рода – выделение эмпирических идеализированных объектов. Такой объект сам

по себе не предполагает никаких логических следствий. Проверка эмпирического обобщения, однако, может осуществляться посредством получения того же самого результата разными методами (гетерометодическое повторение). Но это крайне редко осуществляется, поскольку, справедливо полагает Д. Кемпбелл [7, с. 216], применение гетерометодического повторения привело бы к обескураживающим результатам.

А как можно независимо проверить наличие у человека каких-либо потребностей или способностей? Ведь способность, по сути, понимается как наличие у человека внутренних условий, позволяющих ему нечто совершить, а потребность как данная человеку причина совершения этого. Почему человек нечто совершает? Потому что у него есть потребность в этом. А откуда мы знаем, что у него есть такая потребность? Потому что он нечто совершает. Во многих случаях введение подобной психологической терминологии является лишь игрой словами, не поддающейся никакой независимой проверке. Н. Смит [15, с. 67] подчеркивает, что с подобной ситуацией мы сталкиваемся «в психометрии, когда создается шкала для измерения определенного конструкта, такого как отчужденность или интеллект, а затем конструкт определяется с помощью шкалы».

С принципом преемственности в психологии просто беда. Еще И. П. Павлов [11, с. 197] раскрывал «страшный грех» психологов: «вместо того, чтобы прибавлять, как во всем естествознании, к тому, что было раньше, они отбрасывают прошлые приобретения». В новых психологических теориях, как правило, не обращается серьезного внимания на старые теории. Фрейд уверяет, что он произвел коперниканскую революцию в психологии, а потому практически не обсуждает предшествующих достижений. Он, конечно, может в своих работах сослаться на В. Вундта или других психологов, но делает это скорее по обязанности, чем по душевному порыву, честно признаваясь, что самая большая небесная кара, посылаемая ученому, – это необходимость читать чужие работы [по: 12, с. 244]. А ведь сам Коперник опирался на работы отвергнутого им К. Птолемея, сохранив все доказанные тем теоремы. Бихевиористы отвергают разговоры о психике и сознании как бессмысленные. Как они могли относиться к опытам Вундта, раскладывающего сознание на элементы? Психологи-гуманисты, экзистенциалисты, феноменологи оказались вовлечены в почти пророческие разговоры о смысле жизни, свободе воли и пр. Но у них, как правило, нет текстов ни о кривой забывания Г. Эббингауза, ни о законах гештальта, ни о законах Э. Торндайка. И даже если они их вдруг упоминают, то в рамках своих конструкций не пытаются ни описать, ни разъяснить их. Гештальтисты, по сути, вслед за Фехнером, пытаются найти соответствия психических и физических явлений. Ну, и как же они относятся к исследованиям самого Фехнера? М. Вертгеймер пишет [4, с. 150]: они «принадлежат к основным и, в то же время, наиболее скучным разделам старой психологии». При этом сам закон Фехнера не отвергается, он просто исчезает из рассмотрения. В целом возникавшие в истории психологии новые подходы обычно просто игнорировали ранее построенные концепции. Это-

то и побудило некоторых методологов считать, что разные подходы описывают разные аспекты психической реальности. А поскольку для практиков вообще важно лишь, чтобы их технологии были эффективны, то возникла явная тенденция к эклектичному соединению любых технологий и принятию любых противоречащих друг другу подходов, на которых эти технологии опираются.

Итог достаточно печален. Не слишком удачное следование методологическим регулятивам не могло пройти бесследно. На мой взгляд, именно оно привело психологию к перманентному кризису. Еще в 1877 г., т. е. за два года до создания В. Вундтом своей лаборатории, Ф. Brentano уже объявил о кризисе. Пионерская монография под названием «Кризис психологии» была опубликована Р. Вилли в 1898 г. К началу XX в. ощущение кризиса в психологии стало едва ли не общепринятым. В 1927 г. монографическое исследование кризиса в психологии предпринимают независимо друг от друга два великих психолога – К. Бюлер и Л. С. Выготский. И далее публикации, гласящие, что психология находится в глубоком кризисе, продолжают с завидной регулярностью весь XX в. А. Н. Леонтьев [9, с. 43] уже во второй половине XX в. утверждает, что психологи до сих пор не имеют архитектурного проекта для строительства своих сооружений, хотя и собрали груды первоклассного строительного материала. «Психология переживает глубокий кризис», – пишет В. М. Розин [14, с. 97] уже в нашем веке. В 2011–2012 гг. наличие кризиса признала примерно половина из самых известных специалистов России в области методологии психологии, опрошенных редакцией журнала «Методология и история психологии».

Может, все-таки что-то не так с нашей наукой? Может, стоит большее внимание уделять правилам игры в науку, доказавшим свою эвристичность как в науках естественных, так и гуманитарных? И тогда психология, наконец, выйдет из стадии «методологического одичания» (термин В. М. Розина) и займет положенное ей по праву достойное место рядом с другой царицей наук – физикой.

Литература

1. Бикертон Д. Язык Адама. Как люди создавали язык. Как язык создавал людей / Д. Бикертон. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 333 с.
2. Бэкон Ф. Соч. Т. 2. / Ф. Бэкон. – М. : Мысль, 1972. – 377 с.
3. Гингер С. Предисловие / С. Гингер // Лебедева Н. М., Иванова Е. А. Путешествие в гештальт: теория и практика. – СПб. : Речь, 2004. – 240 с.
4. Вертгеймер М. О гештальт-теории / М. Вертгеймер // История психологии. Тексты. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 364 с.
5. Давтян С. Э. О системном кризисе психиатрии / С. Э. Давтян // Armenian Journal of Mental Health. Yerevan. – 2011. – Т. 2, №2. – С. 14–20.
6. Карпович В. Н. Проблема, гипотеза, закон / В. Н. Карпов. – Новосибирск : Наука, 1980. – 176 с.

7. Кемпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и в прикладных исследованиях / Д. Кемпбелл. – М. : Прогресс, 1980. – 390 с.
8. Клини С. К. Математическая логика / С. К. Клини. – М. : Мир, 1973. – 240 с.
9. Леонтьев А. Н. Понятие отражения и его значение для психологии. / А. Н. Леонтьев // *Вопр. философии*. – 1966. – № 12. – С. 48–56.
10. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон. – М. : Наука, 1989. – 688 с.
11. Павловские среды: Протоколы и стенограммы физиологических бесед. Т. 3. – М.; Л. : АН СССР, 1949. – 262 с.
12. Пиаже Ж. О природе креативности / Ж. Пиаже // *Ж. Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии*. – М. : Гардарики, 2001. – 624 с.
13. Петренко В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке / В. Ф. Петренко // *Психол. журн.* – 2002. – № 3. – С. 113–121.
14. Розин В. М. Психологическая реальность как проблема цехового самоопределения / В. М. Розин // *Психологи : журн. ВШЭ*. – 2010. – Т. 7, № 1. – С. 90–103.
15. Смит Н. Современные системы психологии / Н. Смит. – М. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.
16. Тхостов А. Ш. Психология телесности / А. Ш. Тхостов. – М. : Смысл, 2002. – 287 с.
17. Хайек Ф. А. фон. Контрреволюция науки (Этюды о злоупотреблениях разумом). / Ф. А. Хайек. – М., 2003. – 160 с. – Электрон. версия печ. публ. – URL: <http://libertarium.ru/10181>.
18. Юревич А. В. Психология и методология / А. В. Юревич. – М. : Ин-т психологии РАН, 2005. – 312 с.
19. Hansson S. O. Science and Pseudo-Science [Electronic resource] / Stanford Encyclopedia of Philosophy, Stanford University, 2008. – P. 89–92. – URL: <http://plato.stanford.edu/entries/pseudo-science>.
20. Dean G. Is Astrology Relevant to Consciousness and Psi? / G. Dean, I. W. Kelly. –// *Journal of Consciousness Studies*. – 2003. – Vol. 10. – P. 175–198.
21. Haig B. Truth, science, and psychology / B. Haig, D. Borsboom // *Theory & Psychology*. – 2012. – Vol. 22. – P. 272–289
22. Poducka B. Understanding psychology and dimensions of adjustment / B. Poducka. – N. Y., 1980. – 409 p.

Why Do Psychologists In Need of Rules for Science

V. M. Allakhverdov

Annotation. Methodology of science records existing rules in science. There are general rules for all the sciences and specific rules for different branches of science. The latter are changing over time. These rules (principles of rationality, idealization, simplicity, independent verification, correspondence etc.) may be treated as conclusions from observations on development of science. Evaluating scientific theories by these rules allows us to draw a line of demarcation between science and nonscience. A lot of psychological theories do not much these discussed principles. That is the reason for a permanent crisis in psychological science.

Key words: science, psychological, discussed principles, criterion of demarcation, crisis in psychological.

*Аллахвердов Виктор Михайлович
доктор психологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7/9
e-mail: vimiall@gmail.com*

*Allahverdov Viktor Myhailovych
Doctor of Psychological Sciences,
Professor
St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya embankment,
St. Petersburg, 199034
e-mail: vimiall@gmail.com*